ОТВѢТЫ

I. НА IX ГЛАВУ КНИГИ: „ГРАФЪ БЛУДОВЪ И ЕГО ВРЕМЯ“, ЕГ. КОВАЛЕВСКАГО,

II. НА СТАТЬЮ: „РУССКАГО ИНВАЛИДА“, О СЕЙ КНИГѢ.

NB. Позднее появленіе этой брошюры изъясняется бывшимъ въ типографіи пожаромъ.

ОТВѢТЫ

I. НА IX ГЛАВУ КНИГИ

ГРАФЪ БЛУДОВЪ И ЕГО ВРЕМЯ

ЕГ. КОВАЛЕВСКАГО,

II. НА СТАТЬЮ

РУССКАГО ИНВАЛИДА

О СЕЙ КНИГѢ

Н. ТУРГЕНЕВА.

PARIS,
LIBRAIRIE A. FRANCK.
67, rue de Richelieu.
1867.

Т.

416
37

I.

Отвѣтъ на IX главу книги: Графъ Блудовъ и его время.

Въ вышедшей въ семъ году въ С. Петербургѣ книгѣ: „Графъ Блудовъ и его время, Ег. Ковалевскаго," (глава IX) авторъ старается опровергнуть то, что̀ я сказалъ о г. Блудовѣ въ моей книгѣ: La Russie et les Russes. Paris 1847.

Вотъ, между прочимъ, что говоритъ авторъ:

> „Тургеневъ основываетъ все свое оправданіе и обвиненіе Блудова на томъ показаніи Рылѣева, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что въ совѣщаніи народной Думы, гдѣ рѣшено было, увезти царскую фамилію изъ Петербурга, Тургеневъ подалъ голосъ въ пользу этаго рѣшенія."

Здѣсь я замѣчу, что *все* мое оправданіе (mémoire justificatif) содержитъ около 200 страницъ и доказываетъ неосновательность всѣхъ взводимыхъ на меня обвиненій въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи. Мое опроверженіе того показанія, о которомъ здѣсь упоминаетъ авторъ, особенно

замѣчательно тѣмъ, что оно безъ всякой ссылки на законы, просто, наглядно, ощутительно показываетъ и вмѣстѣ доказываетъ неосмотрительность редактора рапорта слѣдственной коммиссіи. По сей то причинѣ я преимущественно указываю на это обстоятельство, но основываю мое оправданіе не на немъ одномъ, но и на многихъ другихъ, въ рапортѣ содержащихся и мною подробно обсуждаемыхъ обстоятельствахъ.

Авторъ продолжаетъ:

„Тутъ же упоминается имя Торсона. А какъ Торсонъ поступилъ въ общество только въ 1825 году, между тѣмъ какъ Тургеневъ еще въ 1824 году выѣхалъ изъ Россіи, что вполнѣ должно быть извѣстно Блудову, съ которымъ онъ часто видѣлся осенью 1824 года въ Маріенбадѣ, то Тургеневъ и не могъ присутствовать въ этомъ собраніи.“

Этого и довольно для моего оправданія по сему обвиненію. Когда въ совѣщаніи участвовалъ человѣкъ вступившій въ общество въ 1825 году, тогда въ этомъ совѣщаніи не могъ участвовать человѣкъ выѣхавшій изъ Петербурга въ 1824 году. Г. Блудовъ, вниманіе котораго было обращено на это противорѣчіе, изъяснилъ его ошибочнымъ означеніемъ вступленія въ общество Торсона въ 1825 вмѣсто 1824 года. Въ моей книгѣ я доказалъ, что ошибки не было. Г. Ковалевскій прибѣгаетъ къ другимъ объясненіямъ. Вотъ они:

„Не станемъ распространяться о томъ, что Рылѣевъ въ другомъ (также записанномъ) показаніи,

говорилъ, что ему *кажется**), что объ этомъ было разсуждаемо въ совѣщаніи думы; что Никита Муравьевъ, не обозначая времени, сказалъ только, что рѣчь о вышеизложенномъ шла не задолго до отъѣзда Тургенева за границу; что показаніе Торсона даже не вошло въ записку собственно о Тургеневѣ, такъ какъ его показаніе было сдѣлано въ оправданіе себя, а не въ обвиненіе Тургенева; не станемъ также говорить, что каждый изъ обвиненныхъ могъ привести въ свое оправданіе противорѣчащія показанія другихъ, такъ какъ допрашиваемые по нѣсколько разъ сбивались въ своихъ отвѣтахъ и часто совершенно невинно, по забывчивости противорѣчили самимъ себѣ и очевидности обстоятельствъ**); (о типографической ошибкѣ не можетъ быть и рѣчи***); скажемъ только, что приговоръ Тургенева состоялся вовсе не на томъ обвинительномъ пунктѣ: вотъ буквальная выписка изъ доклада особой коммиссіи (въ которой Блудовъ не участвовалъ), и пусть читатели сами су-

---

*) Подчеркнуто авторомъ.

**) Здѣсь нельзя не замѣтить, что г. Ковалевскій защищая Блудова, подтверждаетъ мои обвиненія противъ него. И подлинно! что́ доказываютъ всѣ эти слова г. Ковалевскаго о безпорядкѣ показаній, о противорѣчіяхъ и т. д. какъ не то, что редакторъ рапорта изъ безсмысленной путаницы составилъ регулярное литературное произведеніе?

***) „Приговоръ конечно состоялся не по печатной, а по письменной докладной запискѣ." Примѣчаніе автора.

дятъ, въ какой мѣрѣ помянутое показаніе могло имѣть на него вліяніе . . . . . “ слѣдуетъ выписка изъ приговора.

На все сіе я отвѣчаю, для большей ясности, по пунктамъ:

1) Показанія Рылѣева и Муравьева, какъ явствуетъ изъ самыхъ словъ автора, не могутъ имѣть никакого значенія.

2) Что показаніе Торсона не вошло въ записку о мнѣ, это ничего не значитъ, равно какъ и то, что оно было сдѣлано имъ въ оправданіе самого себя, а не въ обвиненіе меня. Дѣло только въ томъ, что показаніе было сдѣлано человѣкомъ вступившимъ въ общество въ 1825 году.

3) Что обвиняемые оправдывались, противорѣчили одни другимъ и самимъ себѣ — все это одни слова, — кои ни мало не объясняютъ вопроса, а только затрудняютъ его; но эти слова оканчиваются

во первыхъ: словами помѣщенными въ скобкахъ: „о типографической ошибкѣ не можетъ быть и рѣчи,“ и во вторыхъ: примѣчаніемъ, что „приговоръ состоялся не по печатной, а по письменной докладной запискѣ.“

И я говорю и доказываю, что типографической ошибки не было и, безъ сомнѣнія, приговоръ состоялся по письменной запискѣ. На эту мнимую ошибку указалъ г. Будовъ, когда ему было показано, что совѣщаніе, о коемъ здѣсь говорится, происходило въ 1825 году, послѣ моего выѣзда изъ Петербурга. Тѣ, кои читали мою книгу, найдутъ, что какъ скобки, такъ и примѣчаніе автора, ничего

не объясняютъ и оставляютъ во всей силѣ мой alibi. Не спорю, что не читавшіе моей книги, озадаченные этими непонятными скобками и примѣчаніемъ, могутъ усомниться въ силѣ и полнотѣ моихъ доказательствъ.

4) Что приговоръ состоялся не на этомъ обвинительномъ пунктѣ исключительно, объ этомъ я не спорю и никогда не спорилъ. Опровергая явными доводами несправедливость приговора, неосновательность и противорѣчія показаній противъ меня, я остановился на этой, по простотѣ и ясности, самой очевидной неправильности, показывающей какъ производилось слѣдствіе и какъ составлялся рапортъ слѣдственной коммиссіи.

Авторъ продолжаетъ:

„За тѣмъ уже слѣдуютъ показанія Пестеля, Рылѣева, Муравьева и другихъ pro и contra по предмету участія Тургенева въ предположеніи нѣкоторыхъ лицъ общества, относительно удаленія изъ Россіи Императорской фамиліи. Показанія относятся не къ одному указываемому Тургеневымъ времени, но къ различнымъ эпохамъ 1820, 1823 и началу 1824 годовъ, кромѣ Рылѣева, которыя не опредѣлены. О Торсонѣ же нѣтъ и помину.“

Показанія, которыя по словамъ автора относятся къ 1820, 1823 и 1824 годамъ, каковы бы они ни были, ни мало не доказываютъ, чтобы совѣщаніе о вывозѣ Императорской фамиліи, о коемъ говоритъ рапортъ слѣдственной коммиссіи, могло происходить ранѣе 1825 года, и авторъ напрасно смѣшиваетъ показанія однѣ съ другими. Впрочемъ всѣ сіи показанія pro и contra, о которыхъ говоритъ

авторъ, ни въ какомъ отношеніи ничего не доказываютъ, ничего не опредѣляютъ. Обвиненіе же меня по сему предмету, напротивъ того, означено ясно, обстоятельно въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи, и только оно одно должно имѣть силу*).

---

*) Дабы показать неудобность такихъ неопредѣлительныхъ ссылокъ на обстоятельства дѣла, каковыя мы находимъ здѣсь, почитаю нужнымъ привести подлинныя показанія подсудимыхъ.

....." 6) Рылѣевъ: „въ одномъ изъ собраній общества и, кажется, въ томъ, въ которомъ было разсуждаемо о созваніи великаго собора, онъ Рылѣевъ, сдѣлалъ вопросъ: а что дѣлать съ Императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народа? Не вывезти ли за границу? Кн. Трубецкой, подумавъ, отвѣчалъ: болѣе нечего дѣлать и всѣ бывшіе у него Рылѣева: Митьковъ, Ник. Муравьевъ, Оболенскій и Тургеневъ согласились на сіе. На сдѣланные 16 сего Іюля, по распоряженію Коммиссіи верховнаго уголовнаго суда по сему предмету вопросы, показали: Пущинъ: Достовѣрно не знаетъ былъ ли Тургеневъ въ семъ собраніи. Митьковъ: въ семъ собраніи у Рылѣева онъ Митьковъ не находился. К. Оболенскій ни утвердить сего, ни отвергнуть не можетъ. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ: совѣщаніе о семъ предметѣ происходило въ квартирѣ полковника Митькова; о Тургеневѣ же не упоминаетъ. Кн. Трубецкой: въ присутствіи его Тургеневъ никогда не изъявлялъ согласія на вывозъ Государя Императора за границу. Наконецъ Никита Муравьевъ, о собраніи бывшемъ у Рылѣева знаетъ только, что оно происходило не за долго до отъѣзда Николая Тургенева за границу; но не въ состояніи привести выраженій, коими Тургеневъ изъявилъ свое условное согласіе." — Изъ такихъ показаній, конечно, ничего нельзя заключить противъ меня. Я могу только при семъ случаѣ замѣтить, что Ник. Муравьевъ, при отъѣздѣ въ Сибирь, прощаясь съ матерью, просилъ ее дать мнѣ знать, что онъ никогда ничего противъ меня не показывалъ. Мать Муравьева просила одно лице, со слезами на глазахъ, сообщить это мнѣ или брату. Это лице, исполнившее ея порученіе, было пріятелемъ и Булдова и моего брата; г. Ковалевскій угадаетъ его; и самое это лице, конечно, подтвердитъ слова мои когда ихъ узнаетъ.

Мы не можемъ не замѣтить того оборота, который г. Ковалев-

Показанія и Рылѣева и Торсона, по сему обвиненію, также ясны. Я привожу ихъ въ моей книгѣ и въ доказательство, что показанія относятся къ 1825 году, упоминаю, кромѣ Торсона, о Бестужевѣ и о Батенковѣ, кои также какъ Торсонъ находились въ этомъ совѣщаніи.

Вотъ что сказано въ моей книгѣ по сему предмету. (Т. I. р. 338.)

„Опредѣлимъ эпоху времени когда происходило сіе совѣщаніе, по словамъ рапорта слѣдственной коммиссіи: „Оно происходило въ присутствіи Батенкова (стр. 91 рапорта). Батенковъ же познакомился съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ осенью 1825 г. (стр. 91 рапорта).

скій даетъ иногда своимъ объясненіямъ. Здѣсь онъ начинаетъ свое объясненіе словами: „Затѣмъ уже слѣдуютъ показанія Пестеля и пр.“ .... и заключаетъ: „о Торсонѣ же нѣтъ и помину.“ По симъ послѣднимъ словамъ автора можно заключить, что я напрасно ссылаюсь на имя Торсона. Въ приводимомъ выше подлинномъ разсказѣ слѣдст. коммиссіи, имя Торсона конечно не упомянуто и если, какъ полагаетъ г. Ковалевскій, извѣстное совѣщаніе могло происходить прежде 1825 г., то и не могло быть упомянуто, такъ какъ онъ вступилъ въ общество въ 1825 г. Дабы опровергнуть мою ссылку на имя Торсона, слѣдовало бы показать, что я былъ, или могъ быть, на проблематическомъ совѣщаніи здѣсь описываемомъ, въ которомъ однакоже, по словамъ рапорта, я не былъ и которое г. Ковалевскій почитаетъ дѣйствительнымъ, замѣчая при томъ, что показанія по сему предмету относятся не только къ какой либо одной эпохѣ времени, но „къ различнымъ эпохамъ 1820, 1823 и началу 1824 г.,“ такъ что одно и то же засѣданіе могло имѣть мѣсто въ три различныя эпохи! Я не думаю, чтобы г. Ковалевскій полагалъ, что замѣтка его о Торсонѣ допуститъ, возбудитъ догадку или подозрѣніе, что если я не былъ въ одномъ совѣщаніи, то могъ быть въ другомъ, прежде 1825 г. Между тѣмъ, для читателя не вникнувшаго въ сущность дѣла, такое подозрѣніе весьма возможно и даже вѣроятно.

„Оно происходило въ присутствіи Торсона, который и показываетъ о немъ. Торсонъ же вступилъ въ общество въ 1825 г. (стр. 81 рап.)

„Рылѣевъ, получивъ въ семъ засѣданіи порученіе приготовить флотъ, говорилъ объ этомъ дѣлѣ этому же Торсону, вступившему въ общество, какъ мы видѣли, въ 1825 году.“*)

На имя Торсона было указано г. Блудову какъ потому что Торсонъ участвовалъ въ этомъ засѣданіи, такъ, особенно потому что, по рапорту, онъ дѣлалъ и показанія по сему обстоятельству.

Авторъ продолжаетъ:

„Всѣ эти показанія Рылѣева — будто бы Тургеневъ раздѣлялъ мнѣніе другихъ о вывозѣ за границу Императорской фамиліи, и Пестеля — будто бы на вопросъ его (въ 1820 году) желаетъ ли общество монарха или президента? Тургеневъ отвѣчалъ: Un président sans phrases, — коммиссія сводитъ на одно слѣдующее заключеніе: „Остаются только показанія двухъ членовъ общества — Пестеля и Рылѣева (и Никиты Муравьева неопредѣлительно) и то по разнымъ предметамъ, которыя коммиссія почитала опаснымъ въ столь важномъ преступленіи признать достаточнымъ къ обвиненію.“ Затѣмъ, всѣ другія показанія по этимъ

*) Эта эпоха 1825 г. опредѣляется впрочемъ сама собою, ясно и положительно, разсказомъ рапорта слѣдственной коммиссіи отъ страницы 80 до 92.

двумъ предметамъ считаетъ какъ бы несуществующими. По чему же Тургеневъ такъ усиливается опровергнуть эти именно обстоятельства, когда ревизіонная коммиссія сама не признаетъ ихъ доказанными и Верховный судъ основалъ свой приговоръ не на нихъ, а на другихъ. соображеніяхъ? Вотъ его приговоръ: Д. С. С. Николая Тургенева за то, что по показанію 24 человѣкъ участниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ возрожденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе и удалясь за границу, онъ, по призыву правительства, къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія."

Я долженъ здѣсь замѣтить, что когда я писалъ мою книгу, я не зналъ о назначеніи особой ревизіонной коммиссіи, о которой упоминаетъ авторъ. Но я имѣлъ предъ глазами ея заключенія и означилъ ихъ подъ словами: notice spéciale, и вотъ что я сказалъ объ этихъ заключеніяхъ въ примѣчаніи Т. I. p. 384:

„Въ русскомъ подлинникѣ легко можно видѣть, что лице, которое писало эти заключенія, не то, которое писало рапортъ. Слогъ въ нихъ не такой же правильный и плавный; но за то, если въ нихъ замѣтна еще нѣкоторая нерѣшительность прямо сказать очевидную правду, то по крайней мѣрѣ въ нихъ не говорится очевидной неправды."

И такъ ревизіонная коммиссія отстранила отъ меня два самыя существенныя обвиненія. Но Верховный судъ возстановилъ одно, если не оба, изъ этихъ обвиненій и включилъ его въ приговоръ. Авторъ, какъ кажется, находитъ это вполнѣ правильнымъ, забывая, что по закону судъ можетъ судить только о томъ что обнаружено слѣдствіемъ. Но и тутъ авторъ не избѣгнулъ ошибки, замѣчая, что Верховный судъ основалъ свой приговоръ не на этихъ отстраненныхъ обвиненіяхъ, *а на другихъ соображеніяхъ*. Онъ могъ ясно видѣть, что приговоръ включаетъ отстраненное коммиссіею *участіе* съ моей стороны *ввести республиканское правленіе*.

Если бы судъ, какъ предписывалъ ему законъ, отстранилъ и это обвиненіе, то что осталось бы привести противъ меня для смертнаго приговора? Одну принадлежность къ тайному обществу, которое, какъ я доказалъ по его уставу, не имѣло цѣлію бунта и къ закрытію коего я содѣйствовалъ. Я доказалъ также, что я никакаго общества не возрождалъ, не возстановлялъ, никого въ него не принималъ.

Могу здѣсь замѣтить совершенно случайное обстоятельство, что общество, къ которому я принадлежалъ, было закрыто прежде запрещенія со стороны правительства всѣхъ масонскихъ и другихъ тайныхъ ассоціацій.

Въ отвѣтъ же автору, почему я усиливаюсь опровергнуть именно тѣ обстоятельства, которыя ревизіонная коммиссія отстранила, я укажу на слова самого Верховнаго суда, изъ коихъ слѣдуетъ, что судъ судилъ о преступленіяхъ, „въ актахъ слѣдственной коммиссіи обнаружен-

ныхъ.“ И такъ основаніемъ приговоровъ служилъ рапортъ слѣдственной коммиссіи. По сему я долженъ былъ преимущественно разбирать этотъ рапортъ и по самому содержанію его доказать беззаконность и неправильность приговора.

И послѣ всего этого, что̀ могу я сказать въ объясненіе недоумѣнія автора, восклицающаго:

> „Отчего Тургеневъ избралъ именно Блудова, безспорно наименѣе значительнаго изъ сотни лицъ, участвовавшихъ въ слѣдственной коммиссіи и Верховномъ судѣ, чтобы обрушиться на него одного всею тяжестію своего обвиненія, намъ неизвѣстно.“

Я только спрошу: по чему смертный приговоръ за бунтъ обрушился на человѣка, который въ этомъ бунтѣ не участвовалъ и о которомъ онъ совершенно ничего не зналъ?

Противъ г. Блудова лично я никакаго недоброжелательства не имѣлъ, напротивъ ... Но г. Блудовъ былъ составителемъ рапорта слѣдственной коммиссіи. Этотъ рапортъ былъ основаніемъ всего процесса, въ которомъ я былъ осужденъ на смертную казнь. Мое оправданіе я основывалъ на этомъ самомъ рапортѣ. Я долженъ былъ показать несостоятельность рапорта во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Г. Блудовъ былъ плохой юристъ; но онъ былъ отличный писатель. Онъ далъ рапорту видъ литературнаго произведенія, предназначеннаго подѣйствовать болѣе на толпу обыкновенныхъ читателей, нежели на просвѣщенныхъ и свѣдующихъ судей. Съ хитростію и искус-

ствомъ онъ связываетъ одно съ другимъ произшествія, не имѣющія ничего общаго между собою и старается, такимъ образомъ, дать единство своему разсказу и мало по малу, цѣпляясь, такъ сказать, за каждое отдѣльное и часто незначительное произшествіе, за каждое безсмысленное слово, — слова играютъ въ рапортѣ главную роль, — онъ представляетъ изумленному читателю картину однаго и того же тайнаго общества, однаго и того же заговора, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подкапывавшихъ основанія государства!

Я полагалъ и полагаю, что этотъ неправильный, ложный взглядъ на произшествія описываемыя въ рапортѣ, имѣлъ самое бѣдственное вліяніе на весь ходъ процесса. Вотъ почему я обратился, такъ сказать, къ самому корню зла, къ рапорту о слѣдствіи, на коемъ долженъ былъ основываться приговоръ суда. Это слѣдствіе, по производству своему, напоминающее времена Шешковскаго, нашло, для описанія, послушное перо образованнаго человѣка XIX столѣтія! Но не смотря на свое искусство какъ писатель, редакторъ рапорта не избѣгнулъ ни промаховъ, ни противорѣчій, ни несообразностей въ изложеніи дѣла. Я имѣлъ полное право указать на всѣ эти недостатки рапорта, кои ослабляли силу и значеніе сего послѣдняго. Между промахами я остановился особенно на одномъ, какъ потому что въ этомъ случаѣ промахъ былъ очевиденъ для всякаго, умѣющаго различить одинъ годъ отъ другаго, 1824 отъ 1825, такъ и потому что этотъ промахъ касался до единственнаго важнаго и значительнаго обвиненія противъ меня.

Въ этомъ смыслѣ я оцѣнилъ рапортъ слѣдственной коммиссіи. Но не я одинъ составлялъ записки и замѣчанія по моему дѣлу. Другіе дѣлали то же. Между ними, не говоря о братѣ и о князѣ Козловскомъ, коихъ записки у меня сохранились, я приведу здѣсь нѣкоторыя изъясненія Жуковскаго, который составилъ также довольно подробную записку по моему дѣлу.*)

„Во всемъ, что противъ него (Т.) показано, гораздо болѣе матеріаловъ для его оправданія, нежели для осужденія .... Своею неявкою онъ положилъ только препятствіе суду оправдать его; а не усилилъ причины обвинить его.**) Ибо неявка есть одинакое препятствіе какъ для

*) Прилагаю также въ концѣ сей брошюры заключеніе изъ обширной и подробной записки, составленной по моему дѣлу однимъ французскимъ правовѣдомъ, г. Ренуаромъ, нынѣ однимъ изъ самыхъ отличныхъ и достойно уважаемыхъ членовъ кассаціоннаго суда. Это заключеніе показываетъ какъ иностранные юристы могли судить о моемъ дѣлѣ. См. въ концѣ примѣчаніе I.

**) Извѣстный тогда докторъ Крейсигъ, въ Дрезденѣ, спрашивалъ однаго изъ своихъ кліентовъ, русскаго сенатора, подписавшаго приговоръ о мнѣ, какимъ образомъ могли осудить меня? Сенаторъ отвѣчалъ, что еслибъ я явился къ суду, то я былъ бы признанъ невиннымъ. Крейсигъ требовалъ отъ сенатора изъясненія: какъ можетъ человѣкъ быть обвиненъ въ отсутствіи, когда самъ судья говоритъ, что, явившись, онъ бы оправдалъ себя? — и не могъ добиться толку отъ сенатора.

Впрочемъ объ этомъ сенаторѣ я нахожу въ письмѣ брата отъ 7 Августа 1827 г. изъ Дрездена слѣдующее:

„Выходя онъ повторилъ мнѣ на мой вопросъ: какъ бы онъ, не по личному участію въ насъ, но какъ строгій судья, приговорилъ о тебѣ, — что ни секунды не задумался бы, нѣтъ, ни терціи, ибо секунда означала бы размышленіе, коего уже теперь не нужно, послѣ прочтенія твоей записки, и объявилъ бы тебя невиннымъ.“

обвиненія, такъ и оправданія. Теперь вопросъ: неявка сама по себѣ, есть ли вина? — Нѣтъ. — Что такое вина? — То, что законъ предварительно призналъ виною. — Но неявка въ дѣлахъ уголовныхъ подлежитъ ли у насъ наказанію? — Нѣтъ. — Слѣдовательно неявка сама по себѣ не вина. Какъ же она можетъ *подтвердить обвиненіе* въ преступленіи уголовномъ? Когда судятъ человѣка обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи и когда нѣтъ ни фактовъ для убѣжденія въ его виновности, ни его присутствія для признанія въ винѣ или для опроверженія обвиненія, то надлежитъ обратить вниманіе на все что можетъ служить къ его оправданію. Судъ долженъ быть безпристрастенъ; его предметъ не обвиненіе и не оправданіе, а одна правда! Правда или карающая или освобождающая обвиненнаго, чистая, ясная, неподлежащая никакому сомнѣнію правда. Отысканіе вины и отысканіе невинности должно быть равно для него святы, ибо въ томъ и другомъ можетъ заключаться — правда. По чему же не принято судомъ объясненіе Тва?*) Скажутъ, что оно не написано ни на чье лице и не по формѣ. Но оно писано самимъ обвиненнымъ и могло бы послужить документомъ pro или contra. Естьли бы это объясненіе было опровергнуто и найдено неосновательнымъ, оно послужило бы для обвиненія. Естьли бы, напротивъ, оно было най-

*) „Оправданіе твое, (писалъ мнѣ братъ изъ Петербурга отъ 23 Іюня 1826 г.) какъ слышу, было послано въ слѣдственную коммиссію; но ею неуважено, хотя въ судъ Верховный и отправлено вмѣстѣ съ другими бумагами.“

дено основательнымъ, то послужило бы къ оправданію. Въ обоихъ случаяхъ послужило бы къ отысканію главнаго, т. е. правды. Отвергнувъ его, судъ лишилъ себя права произнести рѣшительно; ибо онъ не обратилъ вниманія на то что сказалъ обвиненный въ свою пользу. Естьли онъ призналъ сіе объясненіе обвиненнаго маловажнымъ и не стоющимъ вниманія по тому только, что онъ самъ не явился, то поступилъ несправедливо; ибо неявка не имѣетъ ничего общаго съ судимою виною; она даетъ право признать неявившагося только отсутствующимъ, ослушнымъ, а не заговорщикомъ и цареубійцею. Напротивъ обязанность суда: принимать въ пользу обвиненнаго все что встрѣтится, гдѣ и какъ ни встрѣтится; на оправданіе формы быть не можетъ, какъ скоро дѣло идетъ о невозвратной потерѣ жизни и чести. Естьли судъ могъ уважить неподтвержденныя ничѣмъ показанія свидѣтелей, то по тому же правилу долженъ бы былъ уважить и собственное показаніе обвиняемаго. Естьли съ одной стороны неявка обременяла обвиненнаго новою виною — виною совершенно отдѣльною отъ главной, то въ тоже время и сдѣлала его болѣе беззащитнымъ, слѣдовательно наложила обязанность на судъ, нѣкоторымъ образомъ, заступить его мѣсто и изыскать строго все говорящее въ пользу отсутствующаго, дабы имѣть право произнести приговоръ безпристрастный.“

Конечно въ сей выпискѣ говорится особенно о судѣ, но многое изъ замѣчаній Жго можетъ относиться и къ слѣдствію, и именно то, что̀ Ж. говоритъ о непринятіи моей оправдательной записки, которая была отвергнута и

слѣдственною коммиссіею.*) Но вотъ другая выписка изъ Жго, которая прямо касается до слѣдствія, т. е. до рапорта слѣдственной коммиссіи, г. Блудовымъ составленнаго:

„.... Въ рапортѣ сказано, что составлявшіе коренную управу имѣли намѣреніе дѣйствовать на умы изданіемъ особеннаго дешеваго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ и хотѣли для того имѣть литографію и тайную типографію въ отдаленной отъ столицы деревнѣ; а въ примѣчаніи сказано: изданіе журнала предпринималъ Д. С. С. Твъ. Есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, кои тогда были и пр.“ Ужасно подумать, что на семъ могло быть основано обвиненіе Тва въ замыслѣ возмущать умы изданіемъ журнала. Изъ замѣчанія можно подумать, что общество Тву поручало изданіе журнала и что онъ, полагаясь на это, предпринималъ изданіе. Но въ самомъ показаніи сто-

---

*) Еслибы редакторъ рапорта слѣдственной коммиссіи былъ вѣренъ своему призванію, если бы онъ чувствовалъ и понималъ всю важность возложенной на него обязанности: представить сущность обвиненій противъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ; то онъ, конечно, упомянулъ бы о моей оправдательной запискѣ въ коммиссію сообщенной, и тогда открылось бы ясно, неоспоримо, что я, по отсутствію моему, не могъ участвовать ни въ какомъ преступномъ дѣйствіи до бунта относящемся, что очевидно меня хотѣли обвинять за мнѣнія, за намѣренія. А въ такомъ случаѣ я спрашиваю: не ужели редакторъ рапорта, имѣвшаго все значеніе обвинительнаго акта, былъ до того несвѣдущь, что не зналъ основнаго начала Уголовнаго Права, что мнѣній и намѣреній недостаточно для преступленія, что для сего необходимо къ умыслу прибавить какое нибудь дѣйствіе? Такимъ образомъ, еслибы редакторъ рапорта свято исполнилъ долгъ свой, то даже и всякое преслѣдованіе, не только осужденіе, противъ меня, могло и долженствовало быть отстранено.

итъ, что журналъ хотѣли выдавать безъ позволенія правительства и печатать въ тайной типографіи, въ отдаленной отъ столицы деревнѣ и роспускать подъ рукою. Какъ же могъ быть Тургеневъ издателемъ такого журнала? Твъ предпринималъ въ Петербургѣ изданіе журнала независимо отъ общества и явно приглашалъ къ соучастію въ изданіи его членовъ и не членовъ общества, извѣстныхъ русскихъ литераторовъ. Какая связь между его намѣреніемъ и тѣмъ, которое имѣли члены по собственному ихъ показанію? Но по связи находящейся между текстомъ и означеннымъ мною примѣчаніемъ, можно подумать, что Твъ принялъ отъ общества порученіе издавать тайный журналъ и что могъ участвовать въ сочиненіи пѣсенъ возмутительныхъ, въ это же время распространенныхъ. При малѣйшемъ вниманіи можно убѣдиться, что этой связи не существуетъ. Но фраза между тѣмъ написана и могла послужить къ обвиненію и по крайней мѣрѣ произвести вредное предубѣжденіе противъ обвиняемаго."

Въ рапортѣ „*сказано*", фраза „*написана*", замѣчаетъ Жкій. Но кто и *сказалъ* и *написалъ*, какъ не Блудовъ, редакторъ рапорта?

Нашъ великій поэтъ имѣлъ, какъ видно изъ сихъ выписокъ, здравыя понятія юридическія и истинное понятіе о юридической правдѣ, и особенно — чувство правды и справедливости.

Посылая ко мнѣ эту записку Жго, братъ писалъ: „Ты увидишь какъ и неюристы, но *чистые сердцемъ*, судятъ дѣло твое и тебя."

Жуковскій говоритъ, какъ мы видѣли, о вредномъ

предубѣжденій, которое рапортъ слѣдственной коммиссіи можетъ произвести противъ обвиняемыхъ. Въ этомъ отношеніи я нахожу въ запискѣ Жго любопытное сопоставленіе Арзамасскаго общества съ обществомъ Союза Благоденствія. Вотъ слова его:

„..... Въ 18.. г. завелось общество Арзамасское, которое было не что иное какъ литературная шутка; оно состояло сначала изъ 12 или 15 членовъ; число ихъ въ послѣдствіи увеличилось до 25; разъ въ недѣлю оно собиралось. Кто прочтетъ протоколы засѣданія и рѣчи членовъ, тотъ найдетъ въ нихъ совершенную галиматью и дѣйствительно они были галиматьею. Но въ 1817 году въ это общество были приняты Орловъ, Тургеневъ и наконецъ Никита Муравьевъ. Въ послѣднихъ своихъ засѣданіяхъ общество, составленное изъ литераторовъ, начало разсуждать о томъ, какъ бы изъ шутки сдѣлать дѣло и положено было выдавать литературный и политическій журналъ. Но члены разъѣхались и планъ журнала не состоялся. Теперь вопросъ: въ 1817 году вступилъ въ Арзамасское общество Муравьевъ. Онъ имѣлъ уже тогда всѣ тѣ мысли, кои занимали его, какъ члена общества Благоденствія. Что если бы журналъ Арзамасскаго Общества состоялся и однимъ изъ издателей былъ Никита Муравьевъ? Справедливо ли было бы называть Арзамасцевъ соучастниками заговора, послѣ открывшагося, потому только, что Муравьевъ былъ ихъ сочленомъ? Справедливо ли было бы думать, что особенные замыслы были имъ извѣстны? Скажу болѣе: если бы общество Арзамасское продолжалось и если бы журналъ его состоялся, то вѣро-

ятно Муравьевъ будучи членомъ его, можетъ быть, по правилу принятому его соумышленниками, могъ бы увѣрять прочихъ, что Арзамасцамъ извѣстны ихъ замыслы и что они готовы имъ содѣйствовать; ибо Арзамасъ былъ составленъ изъ людей имѣвшихъ въ Россіи извѣстность. Самъ Карамзинъ бывалъ на ихъ засѣданіяхъ и отъ души смѣялся, слушая шутовскіе ихъ рѣчи и протоколы. И если бы съ такимъ предубѣжденіемъ прочтены были протоколы и всѣ бумаги Арзамасскаго общества, то они только бы подтвердили сіе мнѣніе. Никто бы не увѣрилъ, что оно не имѣло никакого умысла: Галиматья показалась бы маскою чего нибудь важнаго и въ шуткахъ увидѣли бы намѣреніе преступное. Никто бы не повѣрилъ, что можно сбираться разъ въ недѣлю для того только, чтобы читать галиматью! Фразы, неимѣющія для постороннихъ никакаго смысла, показались бы тайными, имѣющими свой ключь, извѣстный только однимъ членамъ. Имя *Новый Арзамасъ*, которое давало себѣ общество, получило бы смыслъ Республики! А въ Бесѣдѣ русскаго слова и Академіи увидѣли бы Россію и правительство! — Въ чемъ убѣждаетъ этотъ примѣръ? Въ томъ, что особенныя мнѣнія нѣкоторыхъ частныхъ членовъ общества, не могутъ быть приписаны всему обществу, что общество не можетъ быть названо преступнымъ, потому что нѣкоторые его члены преступники, и наконецъ, что можно быть въ обществѣ и не знать о замыслахъ нѣкоторыхъ его членовъ.“

Я привожу эти слова Жго единственно для того, чтобы показать всю силу и дѣйствіе *предубѣжденія* въ разсмотрѣніи какихъ бы то ни было дѣлъ. Тѣ же, кои

читали рапортъ слѣдственной коммиссіи, не могутъ не признать, что онъ наполненъ разсказами, кои не могутъ не произвести *предубѣжденія*, вреднаго и несправедливаго, противъ обвиняемыхъ лицъ. Чтожъ касается до упоминаемаго здѣсь Никиты Муравьева, то я увѣренъ, что онъ былъ чуждъ всѣмъ преступнымъ замысламъ, приписываемымъ ему рапортомъ слѣдственной коммиссіи.

Что я говорилъ о г. Блудовѣ въ сильныхъ, рѣзкихъ выраженіяхъ — это правда. Могу, по истинѣ, сказать, что не зло, собственно мнѣ причиненное, заставило меня говорить такимъ образомъ — я всегда очень хладнокровно смотрѣлъ на неожиданный переломъ, послѣдовавшій тогда въ моей жизни; — но въ то время, когда я писалъ, люди, которыхъ я почиталъ лучшими, благороднѣйшими людьми на свѣтѣ, и въ невинности коихъ я былъ убѣжденъ какъ въ моей собственной, томились въ Сибири! Вотъ что̀ меня мучило, вотъ что̀ раздражало!

Г. Ковалевскій, какъ я вижу, зналъ этихъ людей. Пусть онъ, положивъ руку на сердце, скажетъ: были ли они похожи на тѣхъ изверговъ, какими ихъ представляетъ рапортъ слѣдственной коммиссіи, на тѣхъ пустомѣль, кои, по словамъ рапорта, довольствовались пошлыми сентенціями филантропіи и патріотизма, и увлекались модными мнѣніями?

Здѣсь мы не можемъ безъ сердечнаго сокрушенія вспомнить о сибирскихъ страдальцахъ. Многіе изъ нихъ ничего не знали о бунтѣ, который былъ, дѣйствительно, задуманъ и исполненъ въ продолженіе 48 часовъ. За что ихъ осудили? За слова — и за слова, конечно иногда

неистовыя, безумныя. Допустивъ даже, что эти слова были приняты за умыселъ, осужденіе остается неправильнымъ, противозаконнымъ. По праву уголовному и по всѣмъ законодательствамъ, съ злымъ умысломъ должно быть соединено какое либо исполненіе или начало исполненія. Злой умыселъ и злое дѣйствіе суть необходимыя условія всякаго преступленія. Если нѣтъ одного изъ сихъ условій, то нѣтъ и преступленія. Къ тому же слова, на коихъ основывается осужденіе, были произносимы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, только весьма немногими и всегда при томъ опровергаемы другими. Я могу говорить объ этомъ съ полною свободою, такъ какъ мнѣ такихъ словъ не приписываютъ. Эти слова были выставляемы, повторяемы въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи съ такою неутомимою настойчивостію, что они вошли и въ приговоръ и, можетъ быть, въ убѣжденіе многихъ лицъ, т. е. въ такъ называемое общественное мнѣніе, — и преступная мысль о цареубійствѣ пала, наконецъ, какъ мрачная тѣнь на все тайное общество, т. е. на всѣхъ, кто когда либо, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ обществъ, которыя учреждались, расходились, уничтожались и вновь болѣе или менѣе возстановлялись! Дошло наконецъ до того, что и сами осужденные, пораженные ужасными приговорами, невольно начали думать, что общество ихъ дѣйствительно долженствовало быть чѣмъ то важнымъ, бывъ причиною такихъ приговоровъ. Страдая за мнѣнія, за убѣжденія, они, въ силу самыхъ страданій, какъ бы болѣе прилѣпились къ этимъ убѣжденіямъ и къ самому обществу, мысль о которомъ смѣшивалась съ

ихъ убѣжденіями. Они какъ бы забывали собственный ихъ прежній взглядъ на это общество, которое они почитали ничтожнымъ, незначительнымъ, надъ коимъ смѣялись.*) Это настроеніе страдальцевъ было поводомъ, что нѣкоторые изъ нихъ негодовали на меня за то, что, въ моей книгѣ, я продолжалъ имѣть о тайныхъ обществахъ прежнее мое мнѣніе, которое и они нѣкогда раздѣляли. Имъ казалось, что тяжкія ихъ страданія будутъ для нихъ еще тяжеле, если будетъ признано, что причина этихъ страданій не имѣетъ никакой важности и значительности. Тотъ кто вникаетъ въ тайны сердца человѣческаго, поймет это чувство. Между тѣмъ страдальцы, умирая или въ Сибири, или, по возвращеніи оттуда, въ различныхъ углахъ Имперіи, оставляли послѣ себя записки, кои были печатаемы за границей. Всѣ эти записки, безъ единаго исключенія, доказываютъ справедливость моего взгляда касательно незначительности тайныхъ обществъ; вездѣ говорится, что общество заботилось только объ умноженіи членовъ своихъ. И подлинно! Многіе вступали въ обще-

---

*) Въ одномъ письмѣ брата изъ Парижа 9 Іюня 1827 г. я нахожу слѣдующее: „я былъ вчера у князя Д. и записалъ все что отъ него слышалъ.“ Между прочимъ князь Д. сказалъ брату, что на вопросы Государя, Вел. Кн, Мих. Павл. и коммиссіи онъ отвѣчалъ: „что онъ не былъ и не зналъ ни объ одномъ регулярномъ собраніи, что въ тѣхъ собраніяхъ, гдѣ видалъ тебя, не слыхалъ никогда ничего рѣзкаго или преступнаго съ твоей стороны..... что и онъ (К. Д.) почиталъ общество всегда ничтожнымъ и вышелъ изъ онаго въ 1820 или 1821 г., что и сами они, (т. е. члены общества) особливо Лунинъ, смѣялись надъ обществомъ и надъ всѣми затѣями.“

ство; но вступая въ него въ одну дверь, выходили въ другую. Все кончилось бы, вѣроятно, само собою, незамѣтно и безслѣдно, еслибы не случилось произшествій никѣмъ не предвидѣнныхъ и кои изумили и поразили не только нѣкоторыхъ членовъ существовавшаго или несуществовавшаго тогда общества, но и многихъ другихъ. Одинъ изъ осужденныхъ (Рылѣевъ) ясно и положительно сказалъ, что онъ все затѣялъ, и все могъ остановить.

Для исторіи, для исторической правды, не будетъ безполезно, что все дѣло могло быть описано и представлено однимъ изъ неправедно осужденныхъ, который оставался въ отдаленіи отъ совершившихся произшествій, въ полной свободѣ и независимости и который могъ говорить и говорилъ безъ страха и безъ надежды.

Разъяснивъ такимъ образомъ главное изъ того что говорится о мнѣ въ книгѣ г. Ковалевскаго, я, кажется, достаточно доказалъ,

1) Что единственно важное обвиненіе противъ меня въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи содержащееся, несправедливо, такъ какъ оно касается до такого времени, когда меня не было въ Петербургѣ.

2) Что показаніе по сему обстоятельству относится точно къ 1825 году и что ошибки въ означеніи этой эпохи не было.

Теперь скажу нѣсколько словъ о письмѣ моемъ къ Блудову предъ напечатаніемъ моей книги. Г. Ковалевскій говоритъ по сему случаю слѣдующее:

„Мы не скроемъ того обстоятельства, которое говоритъ въ пользу Тургенева: прежде выпуска въ свѣтъ своей книги, онъ присылалъ покойному выписки до него относящіяся, давая тѣмъ возможность опровергнуть ихъ. Но въ какой степени лицу офиціальному возможно входить въ сношенія, особенно по дѣлу подобнаго свойства, съ осужденнымъ политичесмимъ преступникомъ (тогда еще не было всепрощенія), живущимъ за границей? Допустимъ, наконецъ, что людямъ близкимъ Блудову удалось бы, не смотря на убѣжденія покойнаго, склонить его написать требуемое опроверженіе, — принялъ ли бы его Тургеневъ въ соображеніе? Пусть Тургеневъ перечтетъ свое письмо, которое сопровождало выписки и рѣшитъ самъ, возможно ли было на него отвѣчать?“

Коль скоро этотъ государственный преступникъ безъ преступленія обращался къ офиціальному лицу съ указаніями на грубыя ошибки сего лица, содѣйствовавшія къ его осужденію; то это офиціальное лице не могло, въ интересахъ самой правды и въ интересахъ собственнаго достоинства, оставаться въ молчаніи. Безъ сомнѣнія я принялъ бы отвѣтъ въ соображеніе и, во всякомъ случаѣ, непремѣнно напечаталъ бы его. Я перечелъ письмо сопровождавшее выписки, о которомъ говоритъ авторъ, и собственно въ этомъ письмѣ не нахожу ничего такого, что дѣлало бы невозможнымъ отвѣчать на него.*) Впрочемъ

*) Прилагаю это письмо въ концѣ записки. См. примѣчаніе II.

автору должно быть извѣстно, что другое, близкое къ г. Блудову лице, о которомъ я сказалъ нѣсколько словъ говоря о Блудовѣ, обратилось тогда ко мнѣ письменно съ протестомъ противъ словъ, до сего лица относившихся. Я исполнилъ желаніе сего лица и умолчалъ о немъ при напечатаніи моей книги.

Что касается до всепрощенія, о которомъ упоминаетъ авторъ, я долженъ замѣтить, что если бы онъ заглянулъ въ манифестъ о всепрощеніи, то не нашелъ бы въ немъ моего имени. Слѣдственно всепрощеніе до меня не касается.

Эту часть своихъ замѣчаній, авторъ заключаетъ говоря, что обвиненіе мною г. Блудова, оставленное безъ объясненій, перешло бы въ Исторію. — Оно и перейдетъ. — И что̀ сталось бы съ людьми, если бъ они потеряли это послѣднее убѣжище для правды и справедливости! Но Исторія судитъ людей не только по ихъ собственнымъ поступкамъ, но и по времени, въ которомъ они жили. Г. Ковалевскій конечно видѣлъ въ запискѣ одного изъ сибирскихъ страдальцевъ, что, при допросѣ его, генералъ-адъютантъ-слѣдователь напомнилъ допрашиваемому, что у насъ есть пытка. Это характеризируетъ эпоху. Что же удивительнаго, что рапортъ слѣдственной коммиссіи представляетъ такія вопіющія на небо неправильности? Редакторъ жилъ и писалъ въ эту эпоху.

Статья до меня касающаяся заключается слѣдующими словами:

> „Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ событій 14 Декабря, Тургеневъ просилъ надъ собой слѣдствія и суда, рѣшившись пріѣхать по требованію въ Рос-

сію. Не наше дѣло говорить до какой степени это было возможно, когда главныя лица, свидѣтельствовавшія противъ него, уже не существовали, но мы никакъ не можемъ понять, почему Блудовъ и тутъ, по словамъ Тургенева, оказывается виноватымъ, между тѣмъ какъ просьба его разсматривалась министромъ юстиціи, а Блудовъ тогда имъ не былъ. Мы думаемъ, что лучшее что̀ могли посовѣтовать Тургеневу его друзья, это не пытаться суда, а оставаться до поры за границей: такъ онъ и сдѣлалъ."

Такое изложеніе дѣла не вполнѣ означаетъ сущность онаго. Никакихъ словъ въ моей книгѣ г. Ковалевскій не могъ найти по сему обстоятельству о г. Блудовѣ.

Для объясненія этого обстоятельства я привожу, въ сокращенномъ видѣ, то что̀ я сказалъ въ моей книгѣ. Т. I. p. 396.

„Наконецъ я не могу пройти молчаніемъ изъявленную однажды мною готовность возвратиться въ Россію для пересмотра моего процесса. Это было въ началѣ 1830 года. Я былъ тогда въ Англіи, занимаясь совсѣмъ инымъ дѣломъ, а не процессомъ, и не помышляя когда либо возвратиться въ Россію, какъ, внезапно, я получилъ письмо извѣщающее меня, что по нѣкоторымъ представленіямъ сдѣланнымъ государю Императору, и въ этотъ разъ, какъ и прежде, совершенно безъ моего вѣдома, Его Величество объявилъ, что если я считаю себя невиннымъ, то могу явиться дабы доказать это; что я буду имѣть всѣ средства къ оправданію и пр. . . . . Императоръ, сообщали мнѣ,

соизволилъ прибавить, что если я рѣшусь возвратиться, то долженъ пріѣхать весною, моремъ, прямо въ Петербургъ.

„Для меня очень, очень тяжело быть въ необходимости умолчать имя той Особы, которая сообщила отвѣтъ Императора пріятелю, за меня ходатайствовавшему, и скрыть такимъ образомъ въ моемъ сердцѣ глубокое чувство признательности за это доброе дѣло.

„Хотя сообщенное мнѣ извѣстіе крайне удивило меня, я не поколебался ни на одну минуту. Я поѣхалъ бы немедленно, но время года не позволяло ѣхать моремъ. Немедленно я увѣдомилъ россійскаго посла въ Лондонѣ о моемъ намѣреніи возвратиться въ Петербургъ. Въ то же время я увѣдомилъ о моемъ намѣреніи тѣхъ, отъ кого я получилъ сообщеніе .... прибавивъ, что все чего я желаю, это оставаться свободнымъ во время разсмотрѣнія моего дѣла. Я утверждалъ, что докажу мою невинность или предъ Императоромъ, или предъ тѣми, коимъ будетъ поручено разсмотрѣніе, и что, въ случаѣ успѣха, я не желаю ничего инаго какъ возвратиться въ Англію . . . . .

. . . . . .

. . . . . На изъявленіе моей готовности явиться въ Петербургъ, мнѣ отвѣчали, что слова Императора были плохо поняты тѣми, кои мнѣ ихъ сообщили; однимъ словомъ готовность моя возвратиться не была принята ..... Я ничего не могу сказать объ этомъ отказѣ; только, если это отказъ въ правосудіи, то я не могу не согласиться, что онъ сдѣланъ откровенно, прямо и открыто.“ *)

*) Въ подлинникѣ: Seulement, si c'est un déni de justice, je dois convenir qu'il est au moins loyal.

Къ сему я могу прибавить, что покойный Государь Императоръ, изъявивъ свое несогласіе на мое возвращеніе, прибавилъ: скажите ему, чтобы онъ оставался тамъ, гдѣ теперь живетъ. Такія же слова Государь произнесъ гораздо прежде сего времени, какъ я узналъ это отъ князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова. Этотъ благородный человѣкъ, спрошенный моимъ братомъ: долженъ ли онъ совѣтовать мнѣ возвратиться въ Россію по требованію суда, и тронутый горестію брата, спросилъ о томъ самого Императора. Отвѣтъ былъ слѣдующій: „Какъ Императоръ, я долженъ бы сказать: пусть онъ непремѣнно явится. Но какъ человѣкъ, какъ христіанинъ я отвѣчаю: скажите ему, чтобы не являлся.“ Не смотря ни на что со мною случившееся, я вполнѣ чувствую всю возвышенность, все великодушіе такого отвѣта.

Въ заключеніе авторъ говоритъ:

„Теперь доказательства обѣихъ сторонъ на лицо: пусть судятъ другіе, пусть судитъ потомство! . . .“

По истинѣ! гдѣ же доказательства съ *обѣихъ* сторонъ? Я въ моей книгѣ сказалъ и доказалъ, что рапортъ слѣдственной коммиссіи несправедливо помѣстилъ мое имя какъ присутствовавшаго на совѣщаніи въ 1825 году, между тѣмъ какъ я выѣхалъ изъ Россіи въ 1824 году. Г. Блудовъ, которому было указано на это противорѣчіе, сослался на типографическую ошибку въ означеніи года, которой не было, что̀ я также доказалъ. Авторъ не опровергнулъ и не могъ опровергнуть ни моего заявленія противъ того, что сказано въ рапортѣ, ни доказательствъ, которыя я привожу въ подкрѣпленіе этаго заявленія. Онъ ограни-

чивается свидѣтельствованіемъ добрыхъ качествъ г. Блудова и ссылается на имена многихъ лицъ, которыхъ и я вполнѣ уважалъ и уважаю. Но доброе мнѣніе о человѣкѣ, дружба къ нему питаемая самыми благородными личностями, какъ бы все это ни было лестно и выгодно для памяти этаго человѣка, не можетъ однакоже сдѣлать чтобы не было того, что̀ было. Поступокъ г. Блудова, который я описываю, *былъ;* онъ совершилъ его. Я характеризировалъ этотъ поступокъ и оцѣнилъ его. Добрыя качества, которыя могъ имѣть г. Блудовъ, останутся добрыми качествами и могутъ украшать его имя и его память. Но и грѣхъ его останется грѣхомъ. Жуковскій, имя котораго упоминаетъ авторъ, оставался до конца другомъ г. Блудова. Но вмѣстѣ съ симъ онъ всегда ясно, твердо, смѣло стоялъ за меня, всегда и прежде и послѣ изданія моей книги, которою онъ былъ не весьма доволенъ, всегда провозглашалъ мою полную, совершенную невинность и дѣйствовалъ сообразно сему въ пользу моего оправданія, зная притомъ, что я сожалѣлъ о всѣхъ его безпрестанныхъ хлопотахъ, о всѣхъ его усиліяхъ, о всѣхъ непріятностяхъ, кои онъ встрѣчалъ по этому предмету. Повторяю, всѣ свидѣтельствованія о добрыхъ качествахъ г. Блудова не суть доказательства, которыя остаются только съ одной, т. е. съ моей стороны, настоящими доказательствами.

Напрасно почитатели г. Блудова не подумали защищать его при его жизни. Еще лучше было бы, если бы они, защищая г. Блудова отъ моихъ обвиненій, приводили не только слова мои, но и обстоятельства, на коихъ я ихъ

основываю. Ни того, ни другаго, они не сдѣлали. А теперь, черезъ 20 лѣтъ по напечатаніи моей книги, черезъ 30 послѣ того какъ я ее написалъ, они начали защищать, какъ они говорятъ, *память* г. Блудова. Эта память принадлежитъ уже Исторіи. Милосердый Богъ прощаетъ кающемуся грѣшнику. Исторія никому и ничего не прощаетъ: она только свидѣтельствуетъ о совершившемся. Дружба къ человѣку, какъ бы сильна ни была, не можетъ быть сильнѣе правды, и самый нѣжный другъ, по чести и по совѣсти, обязанъ преклонить голову предъ правдою, когда она противна любимому имъ человѣку.

Что касается до словъ г. Ковалевскаго, что „г. Блудовъ не могъ имѣть вліянія на участь подсудимыхъ, что роль его была пассивна (стр. 170)“ что, г. Блудовъ былъ наименѣе значительное лице изъ сотни лицъ участвовавшихъ въ слѣдственной коммиссіи и верховномъ судѣ“ (стр. 177); то такія слова равносильны тому, если бы кто сталъ доказывать, что рапортъ слѣдственной коммиссіи остался безъ всякаго вліянія на ходъ процесса и на судьбу подсудимыхъ! Или г. Ковалевскому слѣдовало бы доказать, что если г. Блудовъ подписалъ этотъ рапортъ, то *не писалъ* его, или писалъ подъ диктовку членовъ слѣдственной коммиссіи! Одинъ талантъ г. Блудова, какъ писателя, укрѣпляетъ уже за нимъ полное право на этотъ chef d'œuvre пера его, и съ нимъ въ рукахъ, какъ уже было замѣчено, — не мною, а другими, — онъ перейдетъ къ потомству.

Что жъ касается до суда потомства, то этотъ судъ и теперь уже можетъ совершиться, такъ какъ благотвор-

ныя реформы Царя-освободителя познакомили Россію съ настоящими судами, съ настоящимъ правосудіемъ. Въ креслахъ судей и прокуроровъ, такъ какъ и на скамьѣ защитниковъ, истинное правосудіе находитъ теперь людей достойныхъ и этаго правосудія и собственнаго ихъ призванія. Гласность служитъ ручательствомъ справедливаго исполненія законовъ. Наше русское общество, въ слѣдствіе этихъ реформъ, созрѣло быстро и, надѣемся, прочно. Въ настоящее время такой хитросплетенный, болѣе литературный, дипломатическій нежели юридическій документъ, каковымъ является рапортъ слѣдственной комиссіи, былъ бы невозможенъ.

Точно также общество русское созрѣло и по вопросу крестьянскаго освобожденія, „*столь близкаго для всѣхъ*,“ какъ говоритъ авторъ. Не такъ-то близко было оно для всѣхъ, не исключая и г. Блудова, когда за полвѣка предъ симъ былъ поднятъ голосъ о крестьянскомъ освобожденіи. Я убѣжденъ, что главною причиною моего осужденія была ненависть, которую ко мнѣ питали, за мои мнѣнія по сему предмету, многіе и между ними самые яростные изъ моихъ судей. Они перепугали Сперанскаго, который за часъ передъ подписаніемъ приговора говорилъ, что противъ меня нѣтъ въ дѣлѣ никакой причины къ обвиненію, кромѣ моей неявки, о которой, говорилъ онъ, нѣтъ никакого постановленія въ Законѣ. То же, въ началѣ совѣщаній, говорилъ г. Сперанскій и въ присутствіи Верховнаго суда. Такъ они заглушили защищавшаго меня Н. С. Мордвинова; такъ отвергнули мнѣніе Шишкова, представленное въ защиту отсутствовавшаго. О мнѣніяхъ моихъ относительно

рабства, эти казуисты особеннаго рода толковали, что и желать уничтоженія рабства есть (по юриспруденціи Верховнаго суда) желать измѣненія государственныхъ учрежденій и слѣдственно преступленіе!

Все и вездѣ зрѣетъ и совершенствуется, особенно въ Россіи въ нынѣшнее благодатное царствованіе. Я, съ вѣрою и съ спокойствіемъ, повергаю себя на судъ моей родной земли, — лишь бы всѣ средства для правильнаго рѣшенія были предъ ея глазами.

Парижъ, 28 Декабря 1866 г.

Н. Т.

II.

Отвѣтъ на статью „Русскаго Инвалида.“

Написавъ отвѣтъ г. Ковалевскому, я получилъ отъ однаго знакомаго No. 303, суббота $\frac{26 \text{ Ноября}}{8 \text{ Декабря}}$ 1866 г. „Русскаго Инвалида“, въ коемъ помѣщена статья о книгѣ: „Графъ Блудовъ и его время.“ Въ сей статьѣ я нахожу слѣдующія строки:

„Въ послѣдней главѣ перваго тома авторъ защищаетъ память Блудова отъ нареканій Николая Тургенева, который, въ сочиненіи своемъ La Russie et les Russes, изданномъ въ 1847 году въ Парижѣ, позволилъ себѣ сказать, что Блудовъ, состоя дѣлопроизводителемъ въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14 Декабря, будто бы умышленно искажалъ отвѣты обвиненныхъ. Тургеневъ простеръ свою выходку до того, что даже вспомнилъ предка Блудова, кіевскаго воеводу, который измѣною увлекъ Ярополка къ брату, гдѣ его ожидала смерть. Со словъ Тургенева, это обвиненіе пошло гулять въ иностранной и русской заграничной журналистикѣ. Ег. П. Ковалевскій повѣрилъ ходъ

дѣла, изложенный у Тургенева, съ подлинными актами, и неопровержимыми доводами доказалъ всю безтактность и лживость обвиненія, взведеннаго Тургеневымъ на человѣка такой высокой честности, такихъ благородныхъ правилъ, какими отличался графъ Дмитрій Николаевичъ."

На это я отвѣчаю:

Г. Ковалевскій, защищая г. Блудова, ни мало не доказываетъ *безтактность и лживость* моего обвиненія противъ г. Блудова, и, какъ видно изъ словъ его, не имѣлъ такой цѣли: онъ изъявлялъ недоумѣніе: почему я такъ обрушился на одного Блудова всею тяжестію моего обвиненія? и предоставлялъ дѣло на судъ потомства.

Въ отвѣтѣ моемъ я старался разсѣять его недоумѣніе. Не стану повторять того же автору статьи „Инвалида", тѣмъ болѣе, что онъ, какъ видно, вовсе не читалъ моей книги, и, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ о чемъ говоритъ. Я ограничусь только возстановленіемъ истины относительно особеннаго обвиненія моего противъ г. Блудова. Въ этомъ обвиненіи состоитъ вся сущность дѣла.

Въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи весьма ясно и опредѣлительно сказано, что я присутствовалъ на одномъ совѣщаніи, которое происходило въ 1825 г., между тѣмъ какъ я оставилъ Россію въ 1824 году. Эта неправильность доказана мною въ моей книгѣ и вообще была признана, сколько мнѣ извѣстно, всѣми кто читалъ мою книгу. Такъ, напримѣръ, Жуковскій, который всегда защищалъ г. Блудова, писалъ между прочимъ къ моему брату слѣдующее изъ Берлина въ Бернъ отъ 3/15 Октября:

„Вчера я докончилъ то, что написано въ зеленой моей книгѣ: вотъ содержаніе ..... Обвиненіе Рылѣева. Оно относится къ 1825, а въ 1824 Т. не былъ уже въ Петербургѣ. Слѣдственно нѣтъ обвиненія.“

Такимъ образомъ неправильность рапорта не подлежитъ сомнѣнію. Но эта неправильность дала мнѣ поводъ и право обвинять г. Блудова въ томъ, что онъ, не хотѣвъ признать этой неправильности, сослался на ошибку въ одномъ изданіи рапорта, между тѣмъ какъ этой ошибки не было и быть не могло. И подлинно! Рапортъ, говоря, что я присутствовалъ на совѣщаніи, не означаетъ никакого года: ни 1824 ни 1825. Но рапортъ приводитъ имена бывшихъ на семъ совѣщаніи, а это имена такихъ людей, кои вступили въ общество въ 1825 г., слѣдовательно послѣ моего отъѣзда изъ Россіи.

Тотъ кто указалъ г. Блудову на эту неправильность рапорта, обращался къ нему съ полною довѣренностію и не имѣвъ еще возможности узнать сущность и всю важность этой неправильности, повѣрилъ г. Блудову, что тутъ есть ошибка.

Вотъ что я, по прошествіи столь долгаго времени, могу сказать объ этомъ:

Будучи въ 1826 году въ Англіи и прочитавъ только что полученный мною рапортъ слѣдственной коммиссіи, я писалъ къ моему брату 9 Октября письмо, въ которомъ опвторялъ уже прежде сдѣланное замѣчаніе о противорѣчіи между 1824 и 1825 годомъ, рапорта и показаній противъ меня, и спрашивалъ: не Блудовъ ли писалъ рапортъ? и нельзя ли съ нимъ посовѣтоваться? Братъ отвѣчалъ мнѣ:

Дрезденъ, 23 Октября.

„.....Блудовъ писалъ рапортъ; но я избѣгалъ его и только разъ спросилъ его о 1825 годѣ: это ошибка, вмѣсто 1824, только въ одномъ изданіи. Я, кажется, писалъ къ тебѣ о ней; но можно иначе доказать alibi, или небытіе твое въ семъ сходбищѣ. Онъ говорилъ много въ твою пользу; но описываться съ нимъ трудно будетъ, а ему все покажутъ предварительно и съ нимъ будутъ совѣтоваться."

Въ послѣдствіи, когда для моего брата сдѣлалось яснымъ и противорѣчіе рапорта и несправедливость объясненія г. Блудова, братъ неоднократно повторялъ и мнѣ и также Жуковскому свой разговоръ съ Блудовымъ и отвѣтъ сего послѣдняго, какъ это описано въ моей книгѣ,*) прибавляя, что онъ вполнѣ повѣрилъ отвѣту Блудова, что была опечатка въ одномъ изданіи рапорта.**)

Такъ какъ этой опечатки не было и быть не могло;

---

*) Что мое описаніе совершенно согласно съ разговоромъ, который мой братъ имѣлъ съ г. Блудовымъ, это явствуетъ изъ сохранившейся у меня копіи моей черновой записки, копіи, поправленной рукою моего брата. Въ этой копіи сказано, какъ и въ напечатанной книгѣ, что, по увѣренію Блудова, означеніе 1825 г. была ошибка въ одномъ изданіи, поправленная въ другомъ и что это увѣреніе было ложно.

**) По находящемуся у меня письму брата къ одному пріятелю въ Москву отъ 10 Сентября 1827 года видно, что въ это время братъ уже узналъ вполнѣ сущность дѣла. „Богъ судья судей и слѣдователей и..... Блудова, (говоритъ братъ въ этомъ письмѣ), который жилъ съ нимъ въ Маріенбадѣ и черезъ годъ писалъ о немъ, что онъ бывалъ въ то время въ собраніяхъ общества тайнаго."

то очевидно, что г. Блудовъ, вмѣсто того, чтобы прямо сознаться въ неправильности своего рапорта, предпочелъ, какъ бы для того, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ вопроса брата, сослаться на небывалую опечатку, т. е. согрѣшить сказавъ неправду.

Братъ мой, въ то время чрезмѣрно озабоченный моимъ дѣломъ, въ безпрестанныхъ хлопотахъ о мнѣ, толкуя то съ тѣмъ, то съ другимъ и между прочимъ съ г. Сперанскимъ, который еще за часъ до подписанія приговора, говорилъ ему, что противъ меня нѣтъ въ дѣлѣ никакихъ причинъ къ обвиненію, кромѣ моей неявки къ суду, за которую, прибавилъ г. Сперанскій, наши законы не опредѣляютъ никакой отвѣтственности, мой братъ, говорю, не могъ войти въ подробное разсмотрѣніе рапорта и имѣя, какъ видно изъ письма его, довѣріе къ Блудову, повѣрилъ опечаткѣ и просто передалъ мнѣ слова Блудова.

Не слѣдуетъ забывать, что это обвиненіе въ совѣщаніи бывшемъ въ 1825 году, есть единственное серіозное, положительное, опредѣленное обвиненіе противъ меня. Прочія совершенно незначительны и я легко ихъ опровергнулъ въ моей книгѣ. Если я настаивалъ на опроверженіи сего обвиненія, то это не только по причинѣ важности его, но также и потому что повѣрка моихъ словъ по этому обстоятельству, была удобна для каждаго — только однимъ опредѣленіемъ времени когда совѣщаніе происходило.

Впрочемъ отвѣтъ г. Блудова, данный моему брату, изтекаетъ, такъ сказать, изъ самыхъ обстоятельствъ: когда братъ мой указалъ г. Блудову на противорѣчіе въ

его рапортѣ, то сей послѣдній могъ или утверждать, что противорѣчія нѣтъ, что извѣстное совѣщаніе дѣйствительно происходило въ 1824 году и что я могъ на немъ присутствовать, или просто сознаться въ своемъ промахѣ. Третьяго изъясненія сдѣлать было невозможно. Г. Блудовъ не опровергалъ противорѣчія, такъ какъ ему показывали на имя Торсона, который, по его же рапорту, вступилъ въ общество въ 1825 году. Сознаться въ своей собственной ошибкѣ, въ своемъ промахѣ, онъ, какъ видно, не хотѣлъ. Что же оставалось для него, дабы отвѣчать брату? Ничего болѣе какъ прибѣгнуть къ вымыслу, т. е. сослаться на небывалую опечатку въ одномъ изданіи его рапорта. Такъ онъ и сдѣлалъ. Братъ ему повѣрилъ и долго оставался въ заблужденіи по сему обстоятельству дѣла.

Я не утверждалъ и не утверждаю, чтобы г. Блудовъ имѣлъ ко мнѣ какое либо особенное недоброжелательство. Но очевидно для всякаго разсудительнаго человѣка, что въ рапортѣ своемъ онъ слишкомъ много заботился о литературной роскоши своего произведенія и весьма мало о юридическихъ принципіяхъ, о юридической правдѣ. Неосновательность, легкомысліе ввели его, сверхъ многихъ погрѣшностей, которыя должны были бы оставаться чуждыми серіозному обвинительному акту, въ очевидное противорѣчіе, изъ котораго авторское самолюбіе помѣшало ему выйти признавъ просто свою ошибку.

Теперь спрашивается: имѣлъ ли я право указать не только на неправильность рапорта слѣдственной коммиссіи, писаннаго г. Блудовымъ, но и на неправедное изъясненіе симъ послѣднимъ этой неправильности?

Какой добросовѣстный человѣкъ скажетъ, что тотъ, кто былъ осужденъ на смерть и каторгу за бунтъ, о которомъ онъ ничего не зналъ и осужденъ послѣ 20ти мѣсячнаго отсутствія изъ мѣста, гдѣ бунтъ произошелъ, не имѣлъ этаго права? Не полагаю даже, что и извѣстное изрѣченіе: summum jus — summa injuria, можетъ, по строгой справедливости, быть мнѣ противопоставлено.

Впрочемъ, все напечатанное мною о г. Блудовѣ было ему сообщено предварительно для объясненій и опроверженій. Онъ ничего мнѣ не отвѣчалъ.

Пусть друзья г. Блудова продолжаютъ чтить его память. Но мнѣніе ихъ о добрыхъ качествахъ г. Блудова не можетъ имѣть довольно силы для того, чтобы сдѣлать несдѣланнымъ и несказаннымъ то, что̀ имъ было сдѣлано и сказано.

Гдѣ же, спрашиваю я наконецъ, обращаясь къ автору статьи „Инвалида,“ гдѣ *лживость* моего обвиненія, доказанная г. Ковалевскимъ? Г. Ковалевскій этой лживости ни мало не доказалъ и, какъ видно изъ словъ его, не имѣлъ цѣлію доказывать. И такъ, если авторъ статьи непремѣнно хочетъ удержать это выраженіе: *лживость*, то сія послѣдняя упадетъ не на кого инаго, какъ на него самого, что̀ (говоря его языкомъ) дастъ плохое понятіе о его *тактности*.

Парижъ, 25 Генваря 1867 г.

Н. Т.

P. S. Мой отвѣтъ на статью „Инвалида“ былъ отправленъ къ издателю сего журнала при слѣдующемъ письмѣ.

М. Г. Въ No. 303 (Суббота $\frac{26\text{ Ноября}}{8\text{ Декабря}}$ 1866 г.) „Русскаго Инвалида,“ въ разборѣ книги „Графъ Блудовъ и его время“ г. Ковалевскаго, авторъ говоритъ о мнѣ не только неосновательно, но и неприлично. Я не могу оставить такихъ словъ безъ отвѣта.

Во всемъ образованномъ мірѣ существуетъ обыкновеніе, что тотъ журналъ, который помѣстилъ какое либо обвиненіе противъ какого либо лица, помѣщаетъ также и возраженія и оправданія сего лица. Въ слѣдствіе сего я обращаюсь къ Вамъ съ просьбою о напечатаніи въ вашемъ журналѣ прилагаемаго при семъ моего отвѣта на упоминаемую выше статью, въ полной увѣренности, что издатель „Русскаго Инвалида“ не сдѣлаетъ исключенія изъ общепринятаго правила.

Я почту особымъ одолженіемъ съ Вашей стороны, если вамъ угодно будетъ сообщить мнѣ тотъ листъ „Инвалида,“ въ которомъ мой отвѣтъ будетъ напечатанъ.

Примите и проч.

Парижъ, 30 Генваря 1867.

Н. Т.

Отвѣтъ не былъ напечатанъ. Но въ No. 42, „Инвалида“ 11/23 Февраля 1867, который былъ мнѣ доставленъ

однимъ моимъ знакомымъ и, спустя нѣсколько дней, по почтѣ, вѣроятно, отъ редакціи, я нахожу слѣдующее:

„Два слова отъ редакціи Н. И. Тургеневу, по поводу книги г. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время."

„Въ No. 303мъ Русскаго Инвалида г. А. И—нъ, авторъ разбора книги г. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время", между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„Въ послѣдней главѣ перваго тома авторъ защищаетъ память Блудова отъ нареканій г. Тургенева, который, въ сочиненіи своемъ „La Russie et les Russes" позволилъ себѣ сказать, что Блудовъ, состоя дѣлопроизводителемъ въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14 Декабря, будто бы умышленно искажалъ отвѣты обвиненныхъ. Г. Тургеневъ простеръ свою выходку до того, что даже вспомнилъ предка Блудова, кіевскаго воеводу, который измѣною увлекъ Ярополка къ брату, гдѣ его ожидала смерть. Со словъ г. Тургенева это обвиненіе пошло гулять въ иностранной и русской заграничной журналистикѣ" . . . и проч. *)

„Это мѣсто подало поводъ г. Тургеневу обратиться къ намъ съ письмомъ, въ которомъ онъ приводитъ свои доводы для доказательства несправедливости его обвиненія слѣдственною коммиссіею.

„Считаемъ долгомъ сказать, что мы не можемъ напечатать адресованное къ намъ г. Тургеневымъ письмо, потому что не имѣемъ основательныхъ и безпристрастныхъ доводовъ для оправданія или обвиненія кого бы то ни было по поводу событій 14 Декабря 1825 года, а тѣмъ

*) Сокращено издателемъ „Инвалида."

менѣе для того, чтобы говорить не въ пользу такой свѣтлой личности, какъ покойный графъ Блудовъ, заслужившій въ русскомъ общественномъ мнѣніи высокую репутацію.

„Все что мы можемъ сдѣлать — это взять назадъ рѣзкія выраженія нашего сотрудника, что мы и дѣлаемъ съ удовольствіемъ, въ полномъ убѣжденіи, что выраженія эти явились у г. А. И—на вслѣдствіе того обвиненія г. Тургеневымъ графа Блудова, о которомъ говоритъ г. Ковалевскій на 170 и 171 страницахъ своего сочиненія „графъ Блудовъ и его время.“

Спрашиваю: съ чего издатель вздумалъ, что въ письмѣ моемъ къ нему, я „привожу доводы для доказательства несправедливости обвиненія слѣдственной коммиссіи?“ Эта роль верховнаго судьи, которую въ семъ случаѣ издатель приписываетъ самому себѣ, конечно, ни мнѣ и никому не могла притти въ голову. Но издателю, какъ видно, хотѣлось основать на чемъ либо свой отказъ напечатать мой отвѣтъ, и онъ основываетъ его на томъ, что „не имѣетъ основательныхъ и безпристрастныхъ доводовъ для оправданія или обвиненія кого бы то ни было по поводу событій 14 Декабря.“

Если я обратился къ издателю „Инвалида,“ то это, потому что въ этомъ журналѣ употреблены были столь же несправедливыя, какъ и неприличныя выраженія противъ меня, выраженія, которыя теперь издатель беретъ назадъ. При семъ случаѣ я приводилъ доводы въ мою пользу, которые не вошли въ мой отвѣтъ г. Ковалевскому. Эти доводы имѣли цѣлію подтвердить то что̀ я сказалъ

относительно г. Блудова въ моей книгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъяснить, что авторъ статьи „Инвалида“ не имѣлъ никакого основанія говорить, что г. Ковалевскій доказалъ то, чего онъ и не имѣлъ цѣлію доказывать. Я замѣтилъ при томъ, что авторъ, какъ видно изъ его статьи, даже не читалъ моей книги и слѣдовательно не знаетъ о чемъ говоритъ. Все это ни мало не похоже на аппелляцію, каковою издатель представляетъ мое письмо къ нему.

Издатель „Инвалида“ не напечаталъ моего отвѣта. Это его дѣло, а не мое: я, просто, ошибся, предполагая безпристрастіе въ издателѣ „Инвалида.“ А причина, на коей онъ основываетъ свой отказъ, конечно, недостаточна и можетъ быть отнесена въ область фантазій и всяческихъ разглагольствованій.

ПРИМѢЧАНІЕ I.

RÉSUMÉ.

Tout ce qui concerne Nicolas Tourguéneff dans le rapport de la commission d'Enquête vient d'être soigneusement examiné.

Qu'y a-t-on vu? L'accession à la société appelée *Union du bien public*, dans laquelle Tourguéneff est entré en 1819, et dont il est sorti en 1821, sans qu'à aucune époque cette société dont les statuts et réglemens n'avaient rien de répréhensible, ait manifesté son existence par des actes, ni ait inspiré aux membres mêmes qui en faisaient partie, la pensée qu'elle fût sérieusement en vigueur.

Nicolas Tourguéneff était complètement étranger à une société antérieure, à celle de *l'union du salut*, à la quelle on impute des vues coupables. Quant à la *société des chevaliers Russes*, elle n'a jamais été formée et était conçue dans des vues tellement innocentes qu'on se proposait de solliciter pour elle l'assentiment de l'Empereur.

Une simple conversation, rapportée inexactement et dont on ne peut saisir le vrai sens, ni même les véritables paroles, à travers les dépositions des témoins qui se contredisent, parait, dans le rapport, comme un très important grief, mais est abandonnée dans la notice qui devait résumer l'accusation, avec laquelle, toutefois, elle est souvent peu d'accord. Le propos de *président sans phrases* qui serait atroce s'il n'était absurde, invraisemblable, et dénué de preuves, disparait devant un sérieux examen.

Le fait, insignifiant par lui-même, d'un projet de journal, projet abandonné, ne se rattache, ni de près, ni de loin, aux sociétés secrètes; bien plus, le seul caractère de publicité qui est de l'essence d'un journal suffirait pour démontrer de la

part de celui qui en aurait conçu le projet, un choix de moyens d'influence nécessairement incompatibles avec le mystère inséparable de tout complot.

Nicolas Tourguéneff pensait si peu à aider des projets politiques qui se seraient liés à l'existence de *l'union du bien public*, qu'il n'a, en 1821, fait servir l'influence pouvant s'attacher à la considération dont il jouissait, qu'à amener la dissolution de la société.

Quelques rapports accidentels l'ont, depuis, rapproché de plusieurs des anciens membres de la société; mais aucun acte, aucune délibération commune ne l'a rattaché à eux.

Il est arrivé que, plus tard, quelques personnes qui avaient été membres de la même société que lui, ont trempé dans la révolte dont la Russie a eu à gémir. Tourguéneff, à cette époque, voyageait à l'étranger depuis près de deux ans. Aucune correspondance coupable ne lui est reprochée; aucune intrigue antérieure n'a attiré contre lui l'attention ni les reproches. La légèreté avec la quelle les accusations ont été portées contre lui a été jusqu'à lui faire un crime d'un prétendu vote qu'il aurait émis dans une réunion qui se tenait à Pétersbourg, lors qu'il était à Naples.

Absent, il s'est défendu sans connaitre d'abord tous les faits dévoilés dans le rapport de la commission d'Enquête.

Son langage a dû alors se ressentir de son ignorance des faits. Plein d'un tendre respect pour l'auguste personne de feu l'Empereur Alexandre, il s'est vu avec la plus vive douleur mêlé à des accusations de complots contre ce monarque qu'il chérissait.

Le rapport contient de bien affligeantes révélations, mais il contient en même temps des erreurs. Nicolas Tourguénèff ne s'étonne pas de celles qui le concernent et qui ont entrainé une condamnation contre lui.

Son absence a empêché qu'il ne les dissipât. Nicolas

Tourguéneff est condamné à mort pour avoir connu personnellement quelques hommes qui, après son départ de Russie, ont trempé dans la révolte de Décembre 1825, pour avoir causé avec eux sur des sujets de philanthropie banale, ou sur quelques questions politiques, pour avoir rêvé dans la marche de la justice et de l'éducation publique des améliorations dont lui-même ensuite a reconnu l'exécution impossible, et aux quelles il a solennellement renoncé. Si la mort et l'exil doivent être le partage de tous ceux qui, dans leur vie, se sont trouvés avec des intentions pures, et pour un but innocent, associés à d'autres personnes qui étaient ou qui sont devenues coupables, Nicolas Tourguéneff a mérité l'exil et la mort. Mais si les lois divines et humaines ne rendent chaque homme responsable que de ses actions propres, Nicolas Tourguéneff, à ne le juger même que par le rapport de la commission d'Enquête, doit être déclaré innocent. A le juger par ses intentions, il faut se demander si les projets coupables de républicanisme auxquels on le mêle et qui n'auraient pu réussir qu'à la faveur d'attentats contre l'Empereur Alexandre, étaient compatibles avec l'attachement profond et les sentimens sincères dont il était très vivement animé envers ce monarque; à le juger par ses intentions, il faut se demander si l'idée dominante qui l'avait tourmenté toute sa vie, celle de l'affranchissement des serfs, était compatible avec tout autre mode de gouvernement qu'avec la volonté d'un souverain absolu, et si, puisqu'une telle volonté pouvait seule accomplir sans obstacles cette oeuvre difficile, on peut croire probable qu'il ait voulu contribuer à changer le mode de gouvernement.

Nicolas Tourguéneff éprouve le besoin de le redie: son absence seule a pu prêter quelque force aux charges dirigées contre lui. Aujourd'hui il place toute sa confiance dans l'esprit de justice avec le quel vont être examinées ses actions, et dans la loyauté avec laquelle lui-même les explique.

L'Empereur aime mieux pardonner à dix coupables que de faire punir un seul innocent. Cette auguste parole, qu'on lit au commencement du rapport, donne à Nicolas Tourguéneff la confiance que sa défense sera accueillie avec cette bienveillance et cette humanité qui se réjouissent de voir diminuer le nombre des coupables. L'opinion générale l'a considéré comme criminel, tant qu'il a été jugé sur des oui-dire et sur la réputation qui lui avait été faite. C'est ainsi que parmi les principaux témoignages à charge figure celui de Bestoujeff-Riumine qui le cite comme l'un des plus chauds partisans du régime républicain et qui cependant ne l'avait jamais vu, ni pu voir.

Puisque maintenant on va ne le vouloir juger que sur ses actes, il ne peut manquer d'être proclamé innocent. La rumeur publique doit se taire quand l'autorité judiciaire va parler.

ПРИМѢЧАНІЕ II.

LETTRE

A MONSIEUR DE BLOUDOFF, A KISSINGEN.

Envoyée le 16 Août 1843.

Monsieur,

Ayant appris par hazard que vous vous trouviez dans le voisinage du pays que j'habite et dont je ne puis franchir les frontières, j'ai cru de ma loyauté de vous faire la communication suivante:

Dans les mémoires de ma vie que j'ai presque terminés et qui sont destinés à être publiés, se trouve un Mémoire Justificatif, consacré à une réfutation complète et détaillée du Rapport de la commission d'Enquête que vous avez rédigé en 1825 et 1826.

Dans cette pièce il est naturellement question de vous, vous, que je dois considérer comme le principal instrument ostensible de la condamnation inique qui m'a frappé.

La vie et la mort des hommes sont dans la main de Dieu. Moi ou vous, ou tous deux, nous pouvons mourir avant que mes Mémoires aient vu le jour, et alors ce que j'ai dit sur votre compte, venant à être publié, resterait à jamais sans pouvoir être contredit par vous où rétracté par moi-même. Dans les deux cas je me reprocherais d'avoir laissé échapper une occasion favorable qui se présente dans la circonstance actuelle de votre séjour à Kissingen, pour une rectification, pour un éclaircissement quelconque de votre part. Cela suffit pour vous persuader que j'accueillerai avec empressement tout ce que vous pourrez avoir à me dire, soit pour affaiblir, soit pour écarter tout-à-fait l'accusation que je porte contre vous. Je dirai plus: cela serait un véritable plaisir pour moi de trouver et de me convaincre qu'il y a un peu moins de perversité dans ce monde que je ne le supposais.

Je vous envoie donc ci-joint l'extrait du principal passage qui vous concerne dans mes Mémoires. Il y en a bien d'autres, vu que toute ma défense n'est basée que sur votre Rapport; mais celui-là, comprenant d'ailleurs une des accusations les plus explicites, se trouve rédigé dans les termes les plus sévères et les plus forts. Oui, j'en conviens, ce langage est en même temps et fort et sévère, mais où et quand, et par qui a été nié le droit de la victime innocente de maudire le bourreau?

J'attendrai votre réponse, Monsieur, pour savoir avec quelle espèce de sentiments je dois être, Monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur

Signé N. T.

ЛЕЙПЦИГЪ,
въ типографіи Бера и Германа.

LEIPZIG,
Imprimerie de Bär & Hermann.

